

Спасибо за помощь от редакции Визит

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

НЕОЛИТ — ЭНЕОЛИТ ЮГА И НЕОЛИТ СЕВЕРА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

(новые материалы, исследования,
проблемы неолитизации регионов)

Санкт-Петербург
2003

ПЕРЕХОД ОТ ЛЕСНОГО МЕЗОЛИТА К ЛЕСНОМУ НЕОЛИТУ В ВОЛГО-ОКСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ (по материалам стоянки Замостье 2)

Проблема перехода от мезолита к неолиту уже не первый год вызывает повышенный интерес исследователей как на Западе так и на Востоке Европы. Этому вопросу были посвящены многочисленные работы и исследования, среди которых можно выделить два кардинально отличных по своей сути подхода к данной проблеме. Первый отражен в работах западных коллег и выявляется в том, что в данном случае под термином «неолит» рассматриваются хозяйства с производящей экономикой и/или скотоводством. В этом случае основной проблемой исследования является сам процесс перехода от присваивающей экономике к экономике производящей (Zvelebil, 1986. P. 5—16). Второй подход отражен в большей степени в работах российских исследователей, которые под термином «неолит» лесной зоны Восточной Европы понимают в основном те общества, у которых сохраняется присваивающий тип хозяйства, однако уже появляется керамика. И в этом случае проблемой исследования становится сам факт появления керамики и те изменения, которые происходят в материальной культуре и в структуре присваивающей экономики (Гурина, 1973 и др.).

Отчетливая характеристика такого двойственного понимания среди археологов термина «неолит» и связанных с этим проблем была дана в работах Л. П. Хлобыстина. Им были предложены термины «агронеолит» и «агонеолит» для разделения обществ со сложившимся производящим хозяйством и обществ, где широко распространяются керамика и неолитическая техника обработки орудий труда из камня при сохранившемся присваивающем типе экономики (Хлобыстин, 1972; 1978. С. 94).

В 1996 г. вышел очередной том Археологии СССР, посвященный исключительно неолитическим памятникам Северной Евразии (Неолит Северной Евразии, 1996). В вводной главе «Понятие о неолите» С. В. Ошибкиной — главным редактором тома — четко и определенно дается основная характеристика неолитической эпохи для данных территорий: «показателем для определения памятников эпохи неолита осталась только керамическая посуда, появление которой принято считать началом неолита» (Ошибкина, 1996. С. 6).

Именно такое понимание термина неолит как охотничье-собираетельских сообществ с керамикой применимо ко всей территории центральной России, где первые следы производящего хозяйства появляются только в эпоху бронзы с культурой боевых топоров и шнуровой керамики. Для ясности понимания мы, вслед за другими исследователями, будем называть подобное явление термином «лесной неолит».

Практически до недавнего времени проблематика переходных от мезолита к неолиту комплексов была достаточно плохо изучена. И в первую очередь это было связано с отсутствием достаточно источниковой базы. Однако в последнее время, благодаря многочисленным исследованиям, и, в первую очередь, торфяниковых стоянок, стали известны новые памятники, давшие богатые и интересные коллекции по интересующему нас временному промежутку. Среди последних необходимо, в первую очередь, отметить стоянку Замостье 2, исследовавшуюся автором.

Стоянка Замостье 2 находится в Сергиево-Посадском р-не Московской обл. в 110 км к С-В от Москвы, в пойме р. Дубна. Во время работ на памятнике была вскрыта площадь около 140 м² и изучено четыре культурно-стратиграфических горизонта: 1) культурный горизонт периода среднего неолита (льяловская культура) — 6400—5700 л. н.; 2) культурный горизонт периода раннего неолита (верхневолжская культура) — 7200—6500 л. н.; 3) культурный горизонт финального мезолита — 7400—7300 л. н.; 4) культурный горизонт финального мезолита — 7900—7800 л. н. Именно коллекция кремневых и костяных изделий, полученная в ходе исследования стоянки, послужила базой для настоящего исследования (Lozovski, 1996).

Природная обстановка

Прежде чем приступить к анализу кремневой и костяной индустрий переходных слоев памятника, необходимо рассмотреть условия природной обстановки на изучаемом отрезке. Полученные в Институте Геологии РАН радиоуглеродные датировки позволили точно привязать культурно-стратиграфические слои к этапам эволюции природной среды в данном регионе и соотнести их с другими изученными памятниками. Всего было получено 14 радиоуглеродных датировок (табл. 1).

Таблица 1.

Радиоуглеродные датировки стоянки Замостье 2

Культурно-стратиграфический горизонт	Лаб. номер	C-14 дата, ВР	Датируемый м-л
развитый неолит — льяловская культура	6154	5700±110	торф
ранний неолит — верхневолжская культура	6199	6250±100	торф
ранний неолит — верхневолжская культура	7985	6290±40	торф
ранний неолит — верхневолжская культура	6198	6680±100	торф
ранний неолит — верхневолжская культура	6557	6850±60	торф
ранний неолит — верхневолжская культура	7986	7000±70	дерево
ранний неолит — верхневолжская культура	6564	7050±40	торф
ранний неолит — верхневолжская культура	7988	7200±90	кость
финальный мезолит — верхний мезолитический горизонт	6201	7380±60	дерево
финальный мезолит — верхний мезолитический горизонт	6565	7450±100	торф
поздний мезолит — нижний мезолитический горизонт	6196	7840±90	торф
поздний мезолит — нижний мезолитический горизонт	6197	7900±180	торф
горизонт сапропеля, подстилающий нижний мезолитический горизонт	7984	8640±100	торф

Изученные на стоянке Замостье 2 разрезы и данные радиоуглеродного анализа свидетельствуют, что все три рассматриваемых комплекса стоянки (нижний мезолитический, верхний мезолитический и ранненеолитический горизонты) формировались в конце бореального — начале и первой половине атлантического периодов (рис. 1). По данным Е. А. Спиридоновой, изменение древних палеоландшафтов в данном регионе на границе между бореальным и атлантическим периодами происходило достаточно постепенно (Спиридонова, Алешинская, 1996. С. 69). Как пишут исследователи «на некоторых участках междуречья в начале атлантического периода существовали палеоландшафты, близкие по своему типу к бореальным. Это были сосновые леса с примесью широколиственных лесов» (Спиридонова, Алешинская, 1996. С. 69; Алешинская, Лаврушин, Спиридонова, 2001).

Собственно мезолитические слои стоянки Замостье 2 датируются 7900—7800 л. н. (нижний мезолитический слой) и 7500—7300 л. н. (верхний мезолитический слой). Именно в этот промежуток исследователи отмечают начальную фазу общего понижения уровня озерных водоемов в регионе в целом. По мнению авторов, это явление связано с общей тенденцией изменения климата в сторону большей аридизации, следы которой наиболее отчетливо выявлены по материалам памятников современной лесостепи и степи. Максимальный же уровень аридизации приходится на отрезок 7200 л. н., который в определенной степени можно считать естественным рубежом между неолитом и мезолитом в центральном регионе России (Спиридонова, Алешинская, 1996. С. 69; Алешинская, Лаврушин, Спиридонова, 2001).

Более влажный и теплый этап древнего климата, который фиксируется по материалам верхневолжского слоя стоянки Замостье 2, охватывает интервал неолита от 7000 до 6500 л. н. Этот интервал также соответствует времени существования верхневолжской культуры в пределах всего Волго-Окского междуречья. В это время коренными лесами этой территории являлись хвойно-широколиственные сообщества, образованные дубово-липово-елово-сосновыми и липово-дубово-сосновыми формациями. По понижениям рельефа, особенно вдоль рек и по берегам озер, болот возрастала роль березы и ольхи. Гидрологический режим на реках и озерах характеризовался относительной стабильностью.

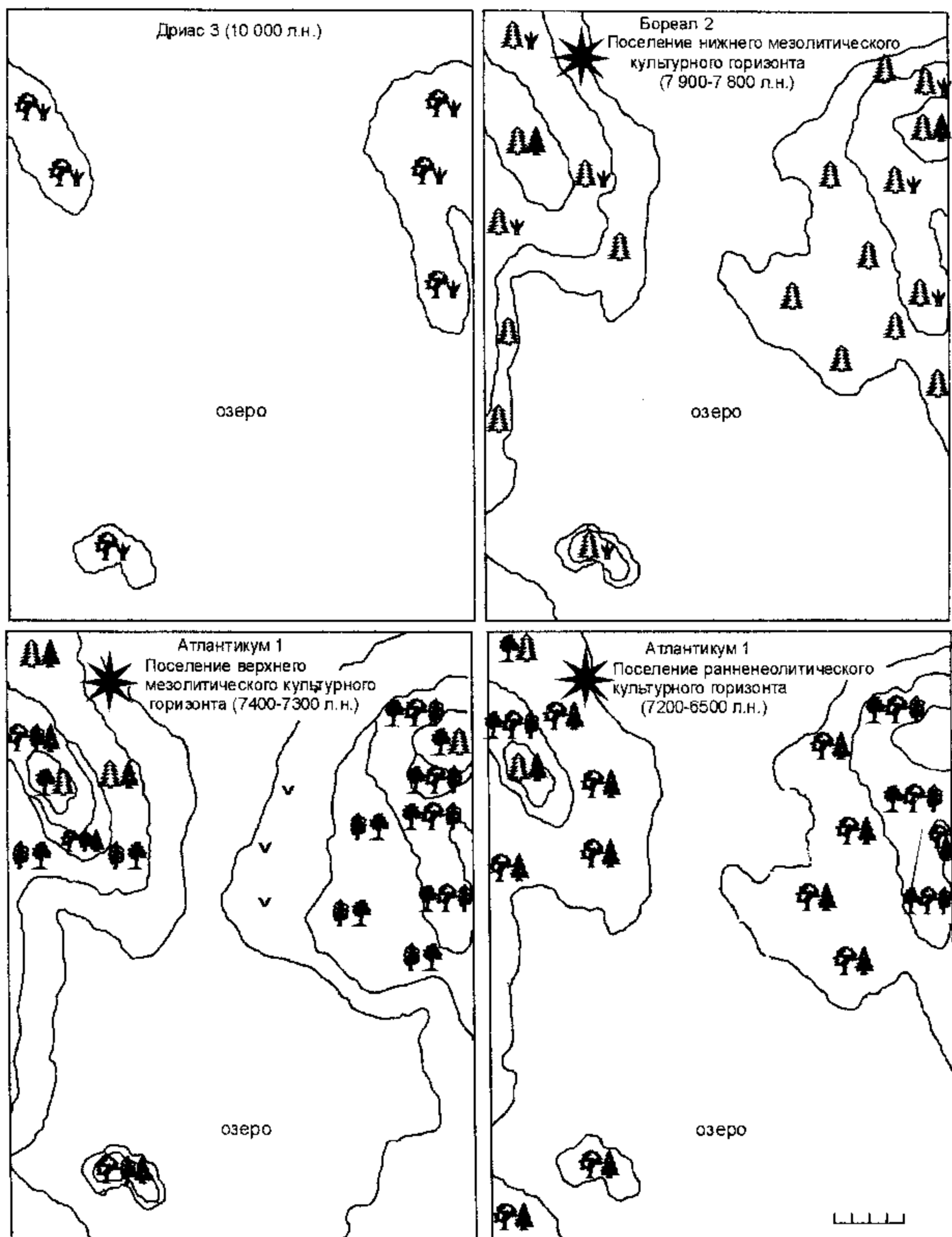

Рис. 1. Схема развития палеоландшафтов в районе стоянки Замостье 2 (по Е. А. Спиридоновой):
 1 — сосна и кустарники; 2 — тайга с сосняком; 3 — тайга с сосняком, иногда с хвойными породами;
 4 — редкие березовые леса с кустарником и травами; 5 — березовые и хвойные леса;
 6 — березовые и ольховые леса, иногда смешанные с хвойно-широколиственными породами;
 7 — ольховые и широколиственные леса; 8 — широколиственные и сосновые леса;
 9 — широколиственные, березовые и ольховые леса; 10 — болота; 11 — стоянка Замостье 2.

Таким образом, можно констатировать, что несмотря на происходившие климатические изменения, в целом природная обстановка позднего мезолита и раннего неолита практически ничем не отличалась. И первобытным сообществам не было необходимости менять стиль своего поведения и способы адаптации.

Фауна

Фаунистические остатки, полученные в ходе археологических работ, исследовали профессор Луи Шэ (Национальный музей Естественной Истории, Женева, Швейцария) и А. К. Каспаров (ИИМК РАН, Санкт-Петербург) (Chaix, 1996; Каспаров, 2001; Шэ, Шеналь-Велярд, Велярд, 2001). Анализ показал следующие, пока предварительные результаты:

В материалах всех исследованных слоев (два мезолитических и один раннеолитический горизонт) четко отмечается явное преобладание костей двух видов животных: лось и бобр (рис. 2).

Помимо этого, состав фаунистического материала показывает достаточно большое разнообразие добывавшихся видов, в частности, различные виды куньих, среди которых определены барсук, выдра, куница и хорек. Найдено достаточно большое число остатков птиц (среди которых есть водоплавающие виды).

Отмечается большое количество рыб, что очевидно свидетельствует об успешной рыбной ловле. Присутствуют остатки домашней собаки.

Эти базовые аспекты являются общими для мезолитических и раннеолитического горизонтов стоянки Замостье 2, единственным отличием раннеолитического комплекса от мезолитических является большее, по сравнению с мезолитом, присутствие остатков кабана. То есть, мы можем констатировать, что и состав фаунистических остатков, найденных в обоих горизонтах, существенно не отличается, что говорит об одинаковой экономической базе как мезолитических поселений, так и раннеолитического.

Таким образом, можно сделать вывод, что в сущности ни природная обстановка, ни основные экономические принципы никак серьезно не изменились при переходе от лесного мезолита к лесному неолиту. В чем же тогда проявились новации, помимо появления самой керамики? Для этого нам необходимо напрямую обратиться к анализу каменной и костяной индустрий всех трех слоев памятника.

Костяная индустрия

Костяной и роговой инвентарь, найденный во всех трех слоях стоянки, достаточно многочислен. Всего в нижнем мезолитическом слое найдено 189 изделий, в верхнем мезолитическом слое — 1138, в раннеолитическом горизонте — 733 изделия (рис. 3—4).

При анализе комплекса изделий из кости и рога необходимо отметить те группы орудий, которые известны по материалам как мезолитических слоев, так и раннеолитического слоя и которые говорят о преемственности обоих комплексов.

В числе традиционных типов, в первую очередь, отмечаются крупные наконечники острог, процент которых в комплексе значительно возрастает по сравнению с мезолитическими слоями.

Следующим компонентом являются ножи из ребер, причем, хотя их процент уменьшается по сравнению с верхним мезолитическим горизонтом (от 22,4 % до 15,5 %), характер их обработки и следы использования идентичны. Оформление навершия в виде «головы птицы» столь же типично и для верхневолжского комплекса, и для мезолитического. Элементы орнамента, встречаемые на ножах, также аналогичны мезолитическим. Крупные ножи из лопаток в верхневолжском слое показывают те же способы их изготовления, что и в мезолитических слоях.

Анализ серии рубящих орудий из рога позволяет сделать выводы, которые одинаково приемлемы как для мезолитических слоев, так и для верхневолжских. Выделено два типа рубящих орудий. Первый тип представлен орудиями с нечетко выраженной симметричностью лезвия и представляет собой отростки и обрубки рога с легкой подшлифовкой рабочего лезвия. Вторым типом являются типологически выраженные топоры и тесла, как правило — с тщательной вторичной обработкой — ярко выраженным в профиле рабочим лезвием и хорошо выделенным обушком.

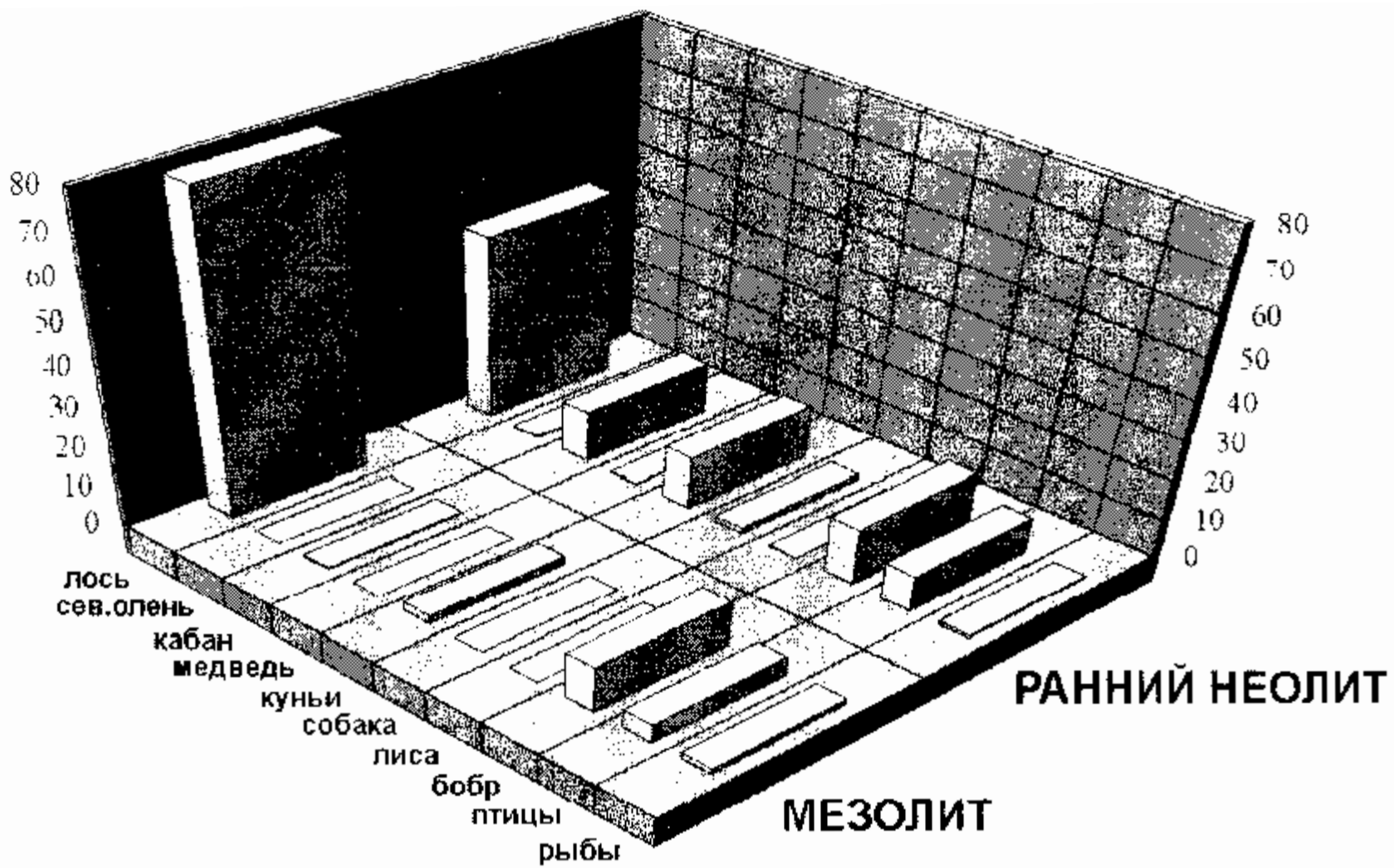

Рис. 2. Состав фауны ранненеолитического и мезолитических слоев стоянки Замостье 2 (по L. Chaix, 1996).

Обе технологии изготовления орудий прослеживаются как в позднемезолитическом, так и в ранненеолитическом слоях и отличий между собой практически не имеют. В обоих слоях отмечается резкое преобладание минимально обработанных орудий с нечетким профилем и наличие небольшой серии четких топоров и тесел. Таким образом, и по этой категории находок мы можем говорить о наличии четкой преемственности между мезолитическими и ранненеолитическим верхневолжским слоем памятника.

В целом же весь основной комплекс орудий из кости и рога, характеризующий мезолитические слои — кинжалы, скошенные орудия (с заточкой рабочего конца под углом 45°), проколки и иглы, ложки, изделия из челюстей бобра, рубящие орудия из рога — остается и в раннем неолите, техника их изготовления и типы орудий практически не меняются. Однако, налицо тенденция уменьшения процентного соотношения этих категорий по сравнению с мезолитическими слоями. За счет чего происходит падение процента традиционных для мезолита типов?

Ответ на этот вопрос дают те же материалы верхневолжского слоя. В основном за счет появления новых категорий изделий, в первую очередь, наконечников метательного вооружения. Если сравнить соотношение наконечников стрел и острий по слоям, то в глаза бросается резкий скачок этой группы в процентном отношении в ранненеолитическом горизонте (в нижнем мезолите — 6,9 %, в верхнем мезолите — 3,6 %, в слое раннего неолита — 19,5 %). И происходит этот скачок не только за счет количественного увеличения уже известных по мезолиту типов, но и за счет появления новых типов наконечников охотничьего вооружения. В группе наконечников стрел добавляются новые формы: 1) игловидные, круглые или эллипсоидные в сечении, с небольшим утолщением на острие, заканчивающимся заостренным конусом; 2) фигурные наконечники, слегка уплощенные в поперечном сечении, с тремя или двумя утолщениями (у всех на утолщении присутствует кольцевая нарезка); 3) типологически неустойчивые биконические формы небольших размеров.

Новым типом орудий в группе наконечников являются зубчатые острия — это мелкозубчатые наконечники трехгранного поперечного сечения, на одной из граней которого через минимальное расстояние вырезались косые зубцы.

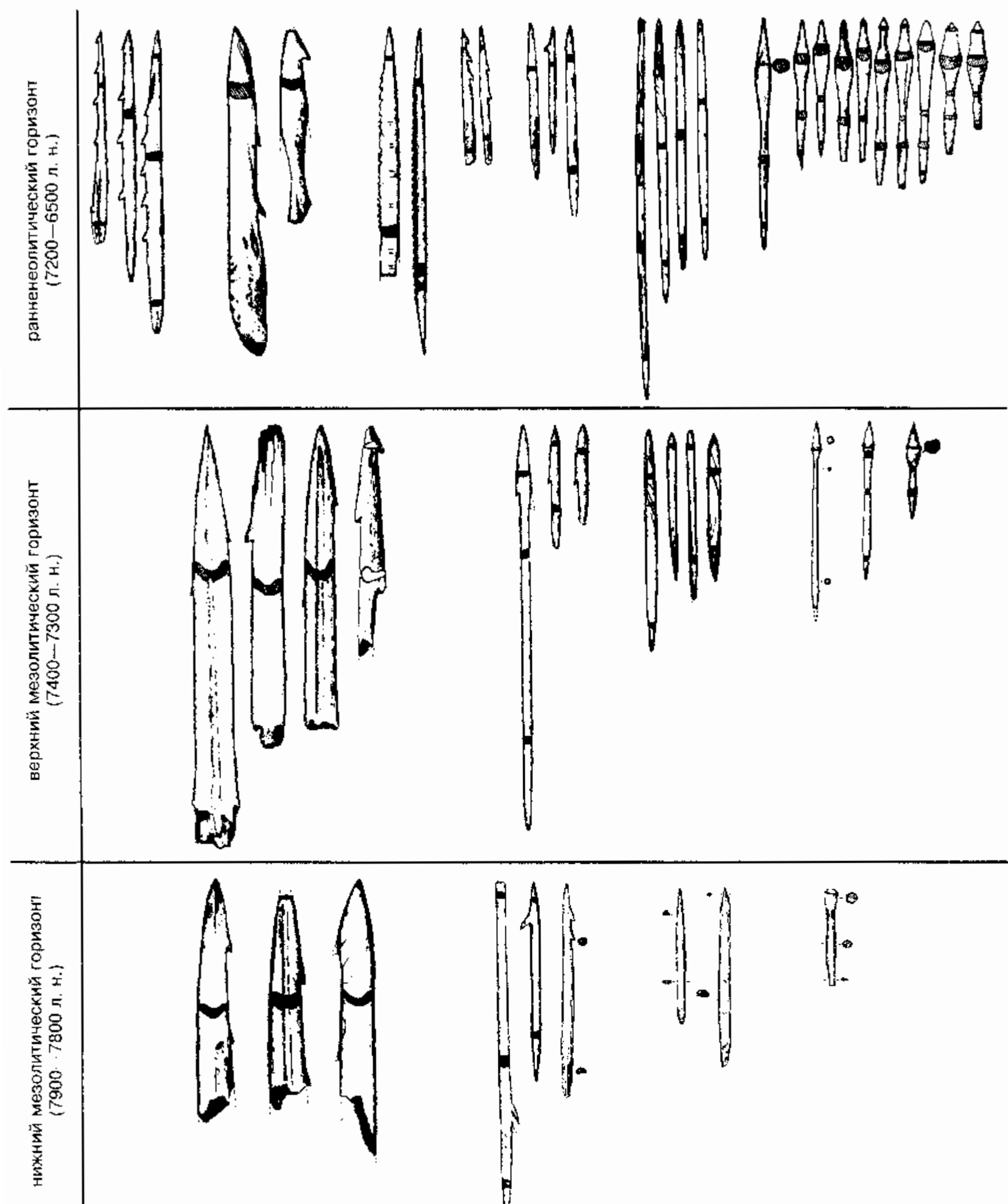

Рис. 3. Схема развития типов наконечников охотничьего вооружения из кости по материалам стоянки Замостье 2.

К новому типу можно отнести наконечники гарпунов с выделенным выступами насадом средних размеров из стержней подовальной формы, на одной из граней которых вырезалось три-четыре мелких клювовидных зубца, расположенных на большом расстоянии друг от друга.

Следующей новой группой орудий являются крючки, изготовленные из одной пластины кости, процент которых достигает 2,5 %. Их относительная многочисленность и, главное, весьма характерный тип, неизвестный в слоях мезолита, заставляют говорить о них, как о новом типе орудий, присущем только раннеолитическому комплексу.

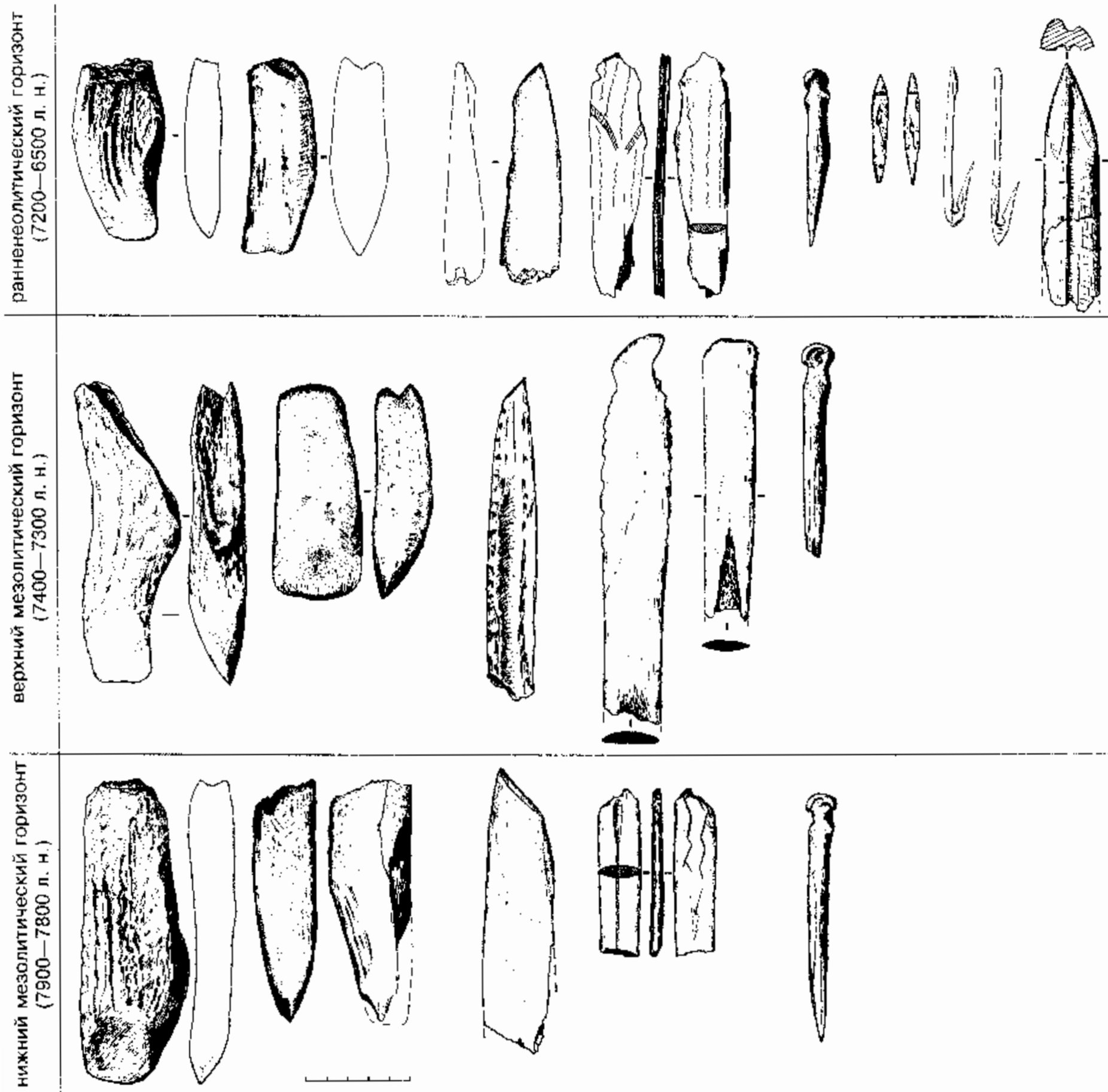

Рис. 4. Схема развития типов орудий из кости и рога по материалам стоянки Замостье 2.

Еще одна группа орудий, на которую необходимо обратить внимание — это острия с углом заострения кончика 45° . Форма этих предметов представляется нам дальнейшим развитием скошенных орудий с углом заострения 45° . Однако, их четырехгранный заостренный конец дает возможность предположить их использование в качестве наконечников охотничьего вооружения.

Таким образом, анализ костяной индустрии раннеолитического комплекса, наряду с уже известными типами, показывает целый ряд новых, которые были совершенно неизвестны в слоях мезолита и которые появляются в регионе только вместе с верхневолжской керамикой.

В целом же анализ комплексов костяной и роговой индустрий двух финально-мезолитических и раннеолитического слоев показывает, с одной стороны, продолжение традиций в типах орудий и способах обработки кости, с другой стороны, налицо появление в раннеолитическом комплексе совершенно новых типов изделий, которые были нехарактерны для местного мезолита.

Выявленные тенденции развития костяной индустрии от нижнего мезолитического горизонта (7900 л. н.), верхнего мезолитического горизонта (7300 л. н.) к комплексу раннего неолита (7200—6500 л. н.) подтверждаются данными исследований других стоянок региона (стоянки

Ивановское 3 и 7, стоянки Окаево 4, 5, 18, 18а, 29, Нушполы 11, Озерки 5, 16, 17 в Тверской обл. и в западной части Дубненского бассейна (Жилин, 1995. С. 24—31; 1996; 1997. С. 165—178; Zhilin, 1999. P. 295—310).

Каменная индустрия

В отличие от костяной индустрии, кремневая индустрия в целом, в силу специфики своего материала, являлась достаточно традиционным и мало подверженным изменениям элементом материальной культуры. В силу этого у нас появляется реальная возможность проследить те изменения, которые появляются в такой специфической сфере материальной культуры, как каменная индустрия при переходе к неолиту.

Распределение изделий из камня по всем трем слоям стоянки выглядит следующим образом: нижний мезолитический слой — 2252 (из них со вторичной обработкой — 239), верхний мезолитический слой — 7164 (из них со вторичной обработкой — 1067), раннеолитический слой — 3429 (из них со вторичной обработкой — 616).

Анализ кремневых индустрий исследуемых нами комплексов позволяет однозначно утверждать наличие тесной преемственности между ними (рис. 5). Это подтверждается следующими тенденциями.

В первую очередь, во всех трех слоях отмечается доминирование отщепов в качестве основной заготовки для изготовления орудий труда. Это выражается не только в преобладании отщепов во всех трех комплексах в процентном соотношении (везде более 50 %), но и в том, что процент изделий на отщепах везде значительно преобладает над процентом орудий на пластинах (НМ — 13,7 % и 2,9 %, ВМ — 20,4 % и 5,4 %, ВВК — 24,2 % и 4,9 %). При анализе динамики изменения орудий на отщепах по слоям заметна тенденция увеличения процента от нижнего мезолита к раннему неолиту почти в два раза, что может быть связано уже с начавшимися изменениями самой структуры раннеолитического комплекса и появлением в нем новых форм из отщепов.

Процент орудий из пластин, хотя и увеличивается от нижнего к верхнему мезолитическому слою, однако остается практически неизменным при переходе к раннему неолиту.

Характеризуя в целом группу изделий из пластин по всем трем слоям, приходится признать, что подавляющее большинство заготовок лишь с натяжкой может быть отнесено к пластинам из-за массивности пропорций и грубости форм, в их числе нередки технологические отходы (реберчатые сколы, сколы подправок или подготовки нуклеусов). Большой процент изделий изготовлен из обломков пластин. Вторичная обработка изделий также в значительной степени носит небрежный характер. Как показал технологический анализ (рис. 6), во всех трех слоях основной целью расщепления не являлось снятие пластинчатых заготовок. Снятие пластин (или скорее микропластин) было второстепенным, узконаправленным производством, которое не стояло на первом месте в кремневой индустрии. Остатки этого производства фиксируются по небольшим сериям нуклеусов для отжима микропластинок, находкам самих микропластин во всех трех слоях памятника, и как бы конечном продукте этого производства — находкам целых вкладышевых орудий с закрепленными в пазах микропластинами (верхний мезолитический комплекс) (Гиря, Лозовский, Лозовская, 1997. С. 86—103; Гиря, 2001. С. 304—310.).

Анализируя орудийный состав группы изделий из пластин, приходится признать, что он достаточно однообразен и не отличается особой вариативностью форм — это скребки, пластины с ретушью, сверла-проколки и наконечники стрел. При этом последние появляются в значительном количестве только в верхнем мезолитическом горизонте и раннеолитическом слое. И если для мезолитического слоя мы можем говорить об определенной монолитности этой группы в целом — листовидные и черешковые наконечники стрел, то для раннего неолита эта группа показывает уже большее разнообразие форм (еще в пределах «постсвидерской» традиции) и появление с технологической точки зрения совершенно нового типа двусторонне обработанных наконечников. По остальным группам изделий из пластин можно только говорить о процентном изменении соотношений внутри группы, а каких-либо серьезных типологических изменений при переходе от мезолита к неолиту не происходит.

Технологическая схема производства кремневой индустрии стоянки Замостье 2

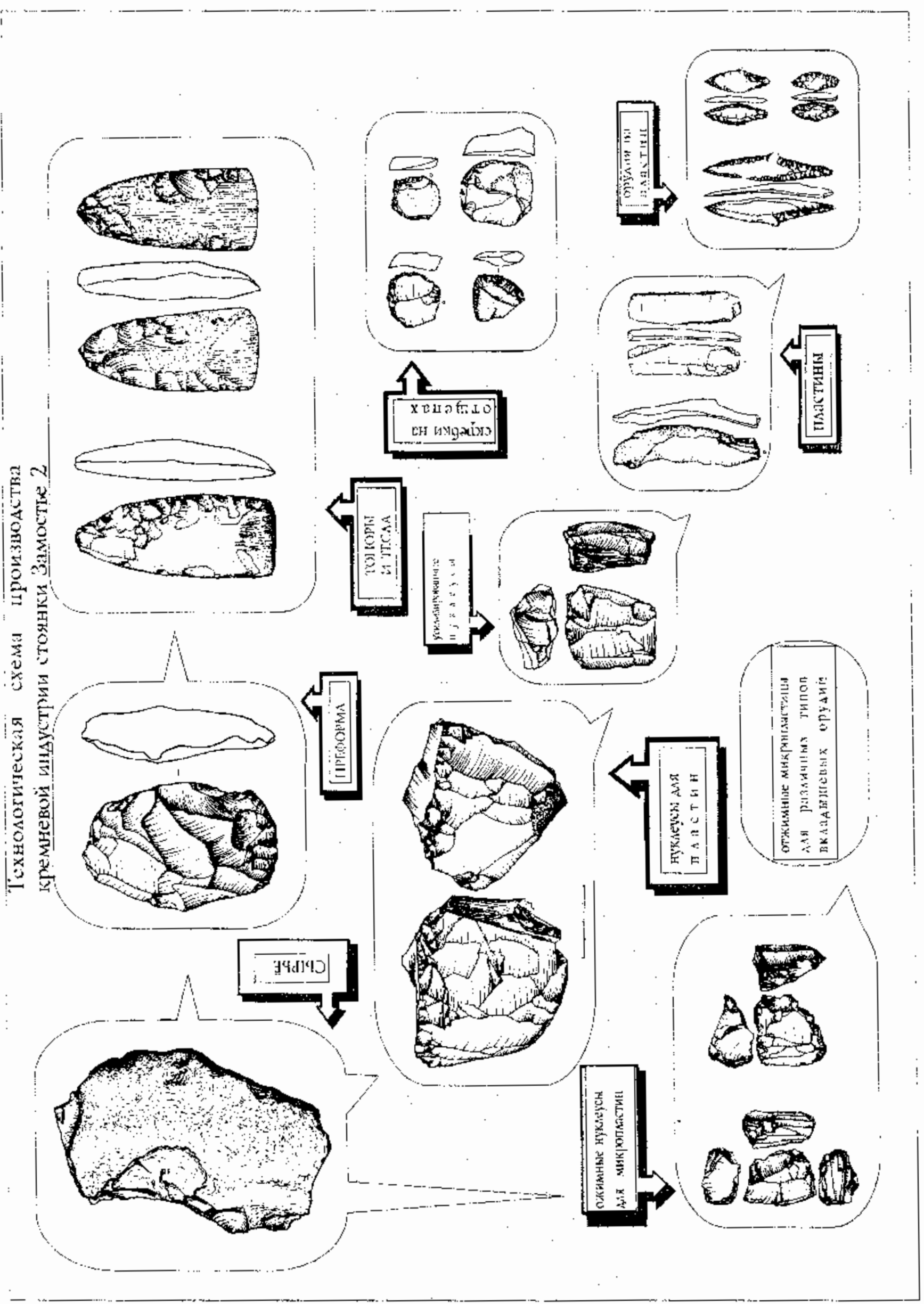

Рис. 6. Технологическая схема производства кремневой индустрии стоянки Замостье 2 по материалам раннеолитического и мезолитических слоев (по Е. Гире).

Как показал тот же технологический анализ, ведущей технологией производства орудий из кремня на памятнике во всех трех слоях являлось изготовление шлифованных рубящих орудий. Этим объясняется наличие в коллекции значительного числа нуклеидных форм (облупни, пренуклеусы, заготовки нуклеусов и т. д.), которые зачастую сложно отделить от массивных бифасов. Последние, в свою очередь, уже являлись заготовками рубящих орудий. Процент последних достаточно стабилен в обоих мезолитических слоях и почти вдвое увеличивается в ранненеолитическом горизонте. Этой же ориентированностью всех трех индустрий на производство рубящих орудий можно объяснить факт стабильного присутствия во всех комплексах обломков шлифовальных плит.

В связи с этим становится понятным факт определенной небрежности в выборе заготовок, отмеченный для группы орудий на отщепах. Нельзя напрямую говорить, что обитатели стоянок изготавливали орудия из отходов производства рубящих орудий. Однако, для всех слоев можно отметить отсутствие определенного стандарта в выборе заготовок для всех категорий орудий — использовались как отщепы различной конфигурации, так и просто любые удобные обломки кремня. Вторая черта, характерная для орудий всех трех комплексов — это стремление придать орудию определенную степень полифункциональности (что особенно ярко выразилось в значительной серии комбинированных орудий в верхнем мезолитическом горизонте).

Переходя от общих замечаний к конкретному анализу распределения типов орудий по слоям, надо отметить, с одной стороны, общие для всех трех слоев тенденции, с другой стороны — разницу, которая проявляется не только между мезолитическими слоями и ранненеолитическим, но и между двумя мезолитическими слоями. Общим для всех комплексов является факт доминирования скребков среди прочих орудий. И если в нижнем мезолитическом горизонте их доля максимальна (61,9 %), то в верхнем мезолитическом горизонте и ранненеолитическом их процент практически идентичен (44,4 % и 42,9 % соответственно). Определенное уменьшение доли скребков имеет свои причины. Прежде всего, это появление в верхних слоях новых категорий орудий: в верхнем мезолите — комбинированные орудия (17,3 %), в раннем неолите — комбинированные орудия (5,7 %), резцы (3,5 %) и изделия с обработкой струйчатой ретушью, а также двусторонние наконечники стрел (3,6 %). Появление новых групп орудий послужило причиной уменьшения процента таких традиционных групп орудий как проколки и сверла с 11,1 % (суммарно) для нижнего мезолита до 5,7 % (верхний мезолит) и 6,4 % (ранний неолит).

Как видно из приведенного анализа, при наличии как бы традиционных групп изделий и характера их изготовления, определенная динамика изменений прослеживается. Это происходит как за счет появления новых групп изделий, которые сами по себе вполне вписываются в общую картину характера изготовления орудий на отщепах (комбинированные орудия, резцы) и исчезновения старых (например скребла, которые полностью отсутствуют в ранненеолитическом горизонте), так и за счет увеличения или уменьшения процента традиционно многочисленных групп (скребки).

Последний момент — это факт появления новой технологии изготовления орудий с помощью струйчатой ретуши (1,9 %). На наш взгляд, никаких предпосылок для появления этой техники в нижних слоях найти нельзя и можно говорить об этом факте, как о привнесенном извне явлении. Это же относится и к двусторонним наконечникам стрел (1,7 %), т. е. технике изготовления тонких бифасов, которая, как показал технологический анализ, появляется в ранненеолитическом комплексе как бы из ниоткуда. И если изменение процентных соотношений внутри комплекса, появление новых типов и исчезновение старых происходит в рамках одной индустрии, одной технологии, то зафиксированные в ранненеолитическом комплексе указанные выше находки кардинально отличают его от мезолитических.

Искусство

Отдельной темой данной работы является анализ такой сферы культуры древнего человека, как предметы искусства и/или свидетельства духовной жизни (Лозовский 1997. С. 33—51). С антропологической точки зрения это сфера наиболее сильно подвержена изменениям и влияниям. И в связи с этим, нам представляется крайне интересным проследить каковы же те

изменения, которые мы можем обнаружить при анализе предметов искусства и духовной культуры мезолита и неолита. Эта группа изделий включает в себя собственно предметы искусства, вырезанные из кости, орнамент на орудиях и орнаментированные гальки — чуринги.

В целом среди изделий, которые несут на себе орнамент трудно уловить какие-то определенные приоритеты. Однако, некоторые замечания можно сделать, исходя из сравнительного анализа изделий обоих комплексов.

1. В целом процент орнаментированных изделий среди всей массы орудий из кости достаточно небольшой (около 5 %), хотя среди отдельных категорий находок он может быть значительным (например, ножи и кинжалы).

2. Для отдельных орудий можно отметить характерные приемы декорации и рисунок орнамента: для ножей и заколок — украшение фигурным навершием; для наконечников стрел — орнамент в виде процарапанного зигзага; для гарпунов-острог и части кинжалов — линии с ресничками и прямоугольники из этих линий, при этом большинство наконечников охотничьего вооружения украшались насечками по боковым граням изделий. Орнаментация орудий в технике овальных нарезок присуща только для категории ножей. В целом же процент орнаментированных изделий среди ножей и кинжалов намного выше, чем среди остальных орудий и для этой группы характерен плоскостной геометрический орнамент, выполненный в различных техниках. При этом показательно, что целые группы орудий (топоры и тесла из рога, орудия с заточкой рабочего конца под углом 45°) либо вообще не украшались, либо орнамент встречен в одном-двух случаях.

3. Собственно характер геометрического орнамента на орудиях стоянки Замостье 2 перекликается с геометрическим стилем искусства мезолита Северной Европы, отмеченного для стоянок культуры маглемозе Балтийского региона (Clark, 1975. P. 147—159).

Отдельным вопросом является соотношение орнамента на орудиях из кости и рога и орнамента на чурингах. Если рассматривать вопрос в общем плане, то очевидно, что орнаментация обеих категорий находок примерно одинакова — и здесь, и там присутствует геометрический орнамент. Одни и те же элементы мы находим и на чурингах, и на костяных орудиях — это сеточка, зигзаг, лесенки и параллельные линии. Однако, технические возможности обработки камня и кости диктовали свои специфические приемы декора. Так, большой процент галек украшен орнаментом, который нанесен в прошлифованном желобке. Подобный случай просто невозможен на орудиях из кости. В то же время такой стиль орнаментации, как рисунок из глубоко вырезанных овальных нарезок или поверхностного скобления невозможен на чурингах.

Очевидно, однако, что приемы орнаментации костяных изделий намного разнообразнее и богаче, чем те, которые встречаются на чурингах. Так, среди последних совершенно неизвестны сложные геометрические композиции в виде параллельных разветвляющихся линий, обрамленных линиями из каплевидных точек и др. Кроме треугольников, отсутствуют другие геометрические фигуры, встречающиеся на костяных изделиях (ромбы, прямоугольники, вогнутые линии). Столь распространенный на костяных орудиях элемент как зигзаг почти не встречается на чурингах. То есть, орнаментация чуринг более бедна и более стандартизована по сравнению с орнаментацией костяных орудий. На наш взгляд, мы здесь сталкиваемся со случаем определенного орнаментального канона, который определял изготовление чуринги, что также указывает на особое положение чуринг в жизни древних обитателей стоянки.

Завершая анализ предметов искусства из мезолитических и раннеолитических слоев стоянки Замостье 2 остается добавить, что даже в такой специфической сфере материальной культуры древнего населения, какой являются свидетельства духовной жизни и культуры, прослеживаются несомненные связи между мезолитическим и раннеолитическим комплексами: практически идентичные типы чуринг, характер орнамента (преимущественно зигзаг в различных вариациях) на орудиях и сами типы орудий, на которых наносились украшения (ножи и кинжалы, наконечники стрел и гарпунов).

Керамика ранненеолитического слоя стоянки Замостье 2

До сих пор во всех работах нами детально анализировался состав каменной и костяной индустрий стоянки Замостье 2 и мы неоднократно отмечали если не тождество, то невероятную близость финально-мезолитических и ранненеолитического комплексов стоянки (Лозовский, 2001. С. 265—272; Lozovski, 1999. P. 337—345; Lozovski, 1999a. P. 417—424; Lozovski, 1999b. P. 139—145; Lozovski 2000. P. 124—129). В данной работе мы считаем нужным более подробно остановиться на характеристике керамического материала ранненеолитического слоя стоянки. Именно эта характеристика кардинально отличает ранненеолитический слой от ниже лежащих.

Весь комплекс ранненеолитической керамики, полученный в ходе раскопок, включает 7883 фрагментов. Планиграфический анализ керамического материала не выявил каких-либо специфических скоплений и показал достаточно равномерное распределение керамики по всей раскопанной площади.

Вся керамика по типу орнамента и способу его нанесения, а также по характеру теста распадается на несколько групп: керамика, орнаментированная тычково-накольчатый, короткозубчатый, орнаментом, выполненным в технике отступающей лопаточки, а также прочерченным орнаментом и керамика, украшенная длиннозубчатым орнаментом (рис. 7).

Фрагментов с тычково-накольчатой орнаментацией и в технике отступающей лопаточки найдено 3381 экз. Тесто хорошо отмученное, в качестве примеси использовался шамот. Наружная поверхность фрагментов часто заглажена или подлощена, на внутренней видны следы расчесов. Толщина стенок — 7—10 мм. Венчики с тычково-накольчатым орнаментом (339 экз.) прямо или косо срезаны с последующей орнаментацией в накольчатой или отступающей технике по срезу или с внутренней стороны венчика. Среди венчиков преобладают фрагменты с прямым профилем и прямым срезом и венчики с прямым срезом с легким наклоном вовнутрь сосуда. Достаточно многочисленны также венчики с округлым срезом — прямые или с легким отгибом наружу. Другие формы венчиков — прямые с отгибом наружу и срезом по внутреннему краю; приостренные с аналогичным срезом, хотя и не столь многочисленны, но являются характерной чертой комплекса.

Среди днищ сосудов, орнаментированных тычково-накольчатым орнаментом, распространены плоские днища (41 экз.), с внешней стороны они иногда имеют слабую вогнутость. Тем не менее, количественно преобладают днища приостренной или округлой формы — 63 экз. Орнаментация днищ достаточно разнообразна: так, на плоских днищах можно встретить орнамент в виде сходящихся в одной точке лучей из каплевидных или овальных наколов, круги, параллельные линии, орнамент в виде креста выполненные теми же элементами. Орнаментация приостренных донцев сосудов состоит из рядов параллельных линий наколов.

Среди фрагментов керамики, происходящих от средних частей сосудов, иногда встречаются черепки, которые явственно представляют собой ребро перегиба сосуда. Они немногочисленны — 23 экз., но являются характерной чертой этого керамического комплекса. Таким образом, общую форму сосудов с тычково-накольчатой орнаментацией можно реконструировать как средней величины плоскодонные или остродонные горшки слегка закрытой формы, некоторые изготавливались с перегибом в средней части.

Самым распространенным элементом тычково-накольчатой орнаментации являются разреженные пояски каплевидных, треугольных или овальных наколов (1322 экз.), реже встречаются фрагменты с близко поставленными рядами наколов, идущими во встречном направлении (835 экз.), иногда (544 экз.) пояски наколов заполняют всю поверхность черепка, при этом их направление и нанесение в пределах одного фрагмента неустойчиво. Иногда пояски наколов составляют орнаментальные композиции, из которых наиболее распространен орнамент в виде горизонтальных поясков, пространство между которыми заполнено наклонными, реже — вертикальными, рядами. Реже пояски наколов сочетаются с отдельными наколами или с поясками оттисков косо поставленного короткозубчатого штампа в отступающей технике (124 экз.). В редких случаях встречаются другие орнаментальные мотивы: зигзаг, треугольники, елочка и единично — орнамент в виде сетки. Судя по характеру нанесения орнамента на фрагментах

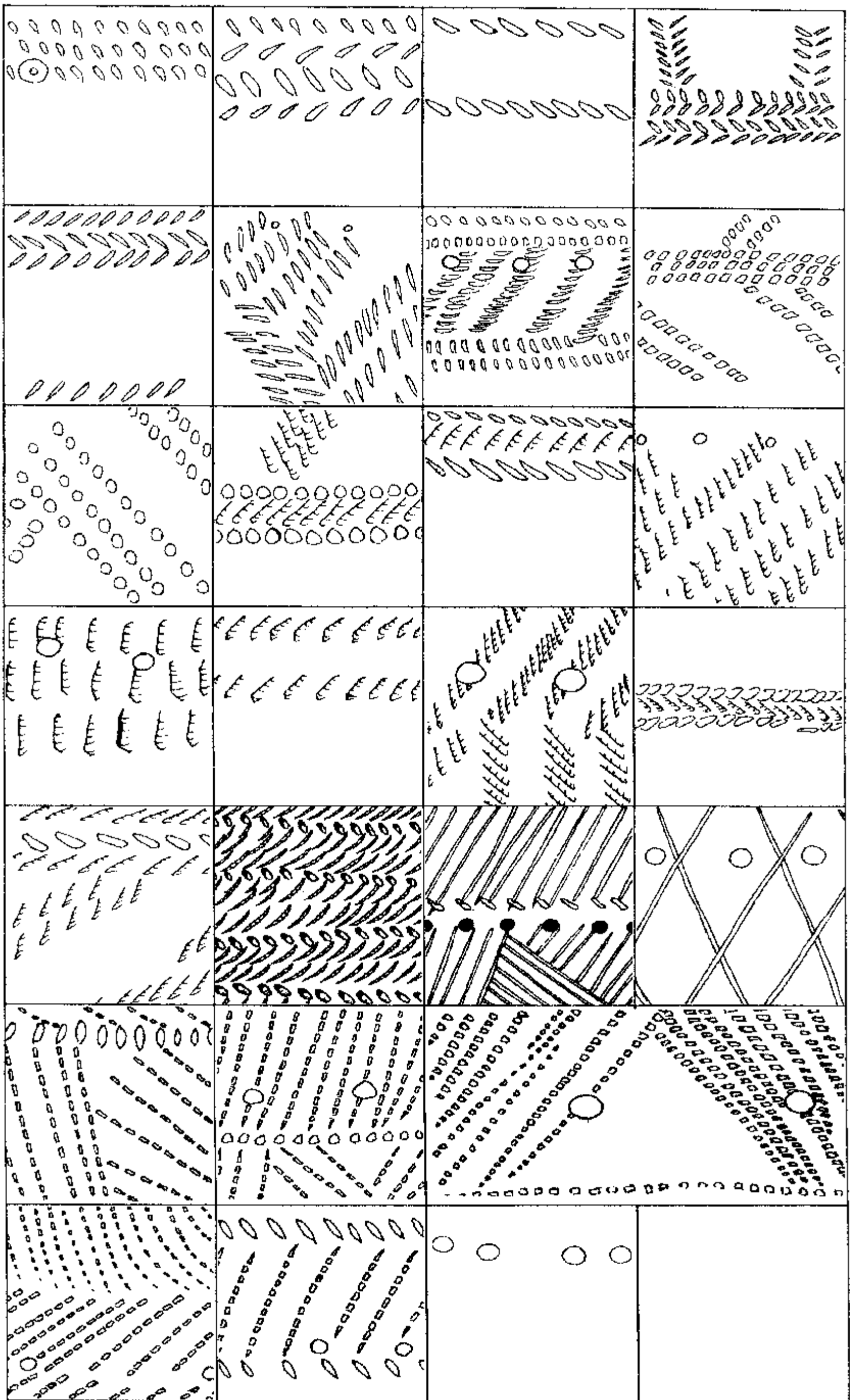

Рис. 7. Таблица мотивов орнамента раннеолитической верхневолжской керамики по материалам стоянки Замостье 2.

Керамика раннеолитического слоя стоянки Замостье 2

До сих пор во всех работах нами детально анализировался состав каменной и костяной индустрий стоянки Замостье 2 и мы неоднократно отмечали если не тождество, то невероятную близость финально-мезолитических и раннеолитического комплексов стоянки (Лозовский, 2001. С. 265—272; Lozovski, 1999. P. 337—345; Lozovski, 1999a. P. 417—424; Lozovski, 1999b. P. 139—145; Lozovski 2000. P. 124—129). В данной работе мы считаем нужным более подробно остановиться на характеристике керамического материала раннеолитического слоя стоянки. Именно эта характеристика кардинально отличает раннеолитический слой от нижележащих.

Весь комплекс раннеолитической керамики, полученный в ходе раскопок, включает 7883 фрагментов. Планиграфический анализ керамического материала не выявил каких-либо специфических скоплений и показал достаточно равномерное распределение керамики по всей раскопанной площади.

Вся керамика по типу орнамента и способу его нанесения, а также по характеру теста распадается на несколько групп: керамика, орнаментированная тычково-накольчатым, короткозубчатым, орнаментом, выполненным в технике отступающей лопаточки, а также прочерченным орнаментом и керамика, украшенная длиннозубчатым орнаментом (рис. 7).

Фрагментов с тычково-накольчатой орнаментацией и в технике отступающей лопаточки найдено 3381 экз. Тесто хорошо отмученное, в качестве примеси использовался шамот. Наружная поверхность фрагментов часто заглажена или подложена, на внутренней видны следы расчесов. Толщина стенок — 7—10 мм. Венчики с тычково-накольчатым орнаментом (339 экз.) прямо или косо срезаны с последующей орнаментацией в накольчатой или отступающей технике по срезу или с внутренней стороны венчика. Среди венчиков преобладают фрагменты с прямым профилем и прямым срезом и венчики с прямым срезом с легким наклоном вовнутрь сосуда. Достаточно многочисленны также венчики с округлым срезом — прямые или с легким отгибом наружу. Другие формы венчиков — прямые с отгибом наружу и срезом по внутреннему краю; приостренные с аналогичным срезом, хотя и не столь многочисленны, но являются характерной чертой комплекса.

Среди донц сосудов, орнаментированных тычково-накольчатым орнаментом, распространены плоские донца (41 экз.), с внешней стороны они иногда имеют слабую вогнутость. Тем не менее, количественно преобладают донца приостренной или округлой формы — 63 экз. Орнаментация донц достаточно разнообразна: так, на плоских донцах можно встретить орнамент в виде сходящихся в одной точке лучей из каплевидных или овальных наколов, круги, параллельные линии, орнамент в виде креста выполненные теми же элементами. Орнаментация приостренных донц сосудов состоит из рядов параллельных линий наколов.

Среди фрагментов керамики, происходящих от средних частей сосудов, иногда встречаются черепки, которые явственно представляют собой ребро перегиба сосуда. Они немногочисленны — 23 экз., но являются характерной чертой этого керамического комплекса. Таким образом, общую форму сосудов с тычково-накольчатой орнаментацией можно реконструировать как средней величины плоскодонные или остродонные горшки слегка закрытой формы, некоторые изготавливались с перегибом в средней части.

Самым распространенным элементом тычково-накольчатой орнаментации являются разреженные пояски каплевидных, треугольных или овальных наколов (1322 экз.), реже встречаются фрагменты с близко поставленными рядами наколов, идущими во встречном направлении (835 экз.), иногда (544 экз.) пояски наколов заполняют всю поверхность черепка, при этом их направление и нанесение в пределах одного фрагмента неустойчиво. Иногда пояски наколов составляют орнаментальные композиции, из которых наиболее распространен орнамент в виде горизонтальных поясков, пространство между которыми заполнено наклонными, реже — вертикальными, рядами. Реже пояски наколов сочетаются с отдельными наколами или с поясками оттисков косо поставленного короткозубчатого штампа в отступающей технике (124 экз.). В редких случаях встречаются другие орнаментальные мотивы: зигзаг, треугольники, елочка и единично — орнамент в виде сетки. Судя по характеру нанесения орнамента на фрагментах

сохранившейся керамики можно заключить, что орнамент наносился в основном в верхней и придонной части сосудов, несколько реже можно отметить отдельные пояски накольчатой орнаментации с отходящими под углом к ним рядами наколов в средней части сосудов. В чистом виде треугольные, овальные оттиски в технике отступающей лопаточки отмечены на 105 фрагментах. На днищах орнамент, как правило наносился в двух вариантах: в виде пучков линий из рядов наколов, исходящих из одной точки, или в виде концентрических кругов.

На втором по количеству найденных фрагментов месте стоит неорнаментированная керамика. Всего фрагментов без орнамента найдено 2186 экз., форма венчиков (103 экз.), как правило, округлая с прямым или слегка отогнутым вовнутрь профилем, у большинства экземпляров непосредственно под краем нанесены сквозные отверстия. Имеющиеся в коллекции днища (21 экз.), как правило, приостренные, только три экземпляра из этого числа — плоские с легкой вогнутостью по центру. Характер теста и обжига черепков без орнамента аналогичен черепкам с тычково-накольчатой орнаментацией. Фактически, по характеру теста, примесям, способу изготовления данная группа керамики практически тождественна первой группе. И у нас нет однозначной уверенности, что большая половина фрагментов без орнамента не происходит от неорнаментированных зон тех сосудов, на которые был нанесен тычково-накольчатый орнамент. В связи с этим нам представляется, что при статистических подсчетах мы можем объединять эти две группы керамики в одну большую группу.

Сходная тычково-накольчатая керамика была найдена при раскопках достаточного числа многослойных неолитических памятников — Сахтыш 1, 2 и 8, Ивановское 3, Польцо, Николо-Перевоз 1, Торговище 1, Варос, Языково 1 и др. (Крайнов, Хотинский, 1977; Костылева, 1984; 1986; 1994; Уткин, Костылева, 1984; Сидоров, 1992). На ряде памятников присутствие в комплексах тычково-накольчатой и неорнаментированной керамики достигает значительных показателей, так, по данным Е. Л. Костылевой, «на стоянке Сахтыш 8 (раскопки 1965—1978 гг.) неорнаментированная и накольчатая посуда составляет 48 % от всего количества верхневолжской керамики, найденной на стоянке, на Торговище 1 (раскопки 1980 г.) — 38 %, на Ивановской 5 (раскопки 1974, 1982 гг.) — 69 %, на Ивановской 3 (раскопки 1972, 1974, 1981 гг.) — 16 %, на Ивановской 7 (раскопки 1973—1975 гг.) — 39 %» (Костылева, 1994). На других памятниках комплексы с тычково-накольчатой керамикой найдены в качестве небольшой примеси в мезолитических слоях — стоянки Давыдовская, Жабки 3 и др. (Сидоров, 1973; Кравцов, 1982).

Достаточно часто на одном фрагменте встречается сочетание накольчатой орнаментации с оттисками короткозубчатого штампа, часто выполненного в отступающей технике. Собственно фрагментов с оттисками короткозубчатого штампа, или там где этот элемент орнамента играет доминирующую роль, найдено 1166 экз. На всех фрагментах отмечается характерная изогнутость оттисков, поставленных под наклоном. По сохранившимся венчикам сосудов можно определить, что орнамент наносился как прямо от края сосуда, так и с небольшим отступлением в 1—2 см. Довольно часто присутствует бордюрная зона, выполненная тем же короткозубчатым штампом. Для этого типа орнаментации характерен также прямой или слегка скошенный вовнутрь венчик с прямым или скошенным срезом. Иногда по срезу венчика с внутренней стороны наносился орнамент. Найденные донца сосудов с короткозубчатой орнаментацией, как правило, округлые или слегка приострены. Композиции, составленные из этого типа орнаментации как правило простые — это горизонтальные, вертикальные или наклонные ряды оттисков короткозубчатого штампа. В более сложных композициях пояски из короткозубчатого штампа являются разделителями зон орнамента и, в свою очередь, от этих поясков отходят наклонные (в редких случаях — вертикальные) ряды из отпечатков короткозубчатого штампа. В некоторых случаях встречаются орнаментальные мотивы в виде елочки, одно- и многорядного зигзага или вписанных треугольников. Необходимо также отметить, что зачастую оттиски короткозубчатого штампа, наносившиеся на поверхность сосуда в отступающей манере, в дальнейшем переходили в отпечатки, называемые «отступающая лопаточка». На ряде фрагментов нами непосредственно прослеживался этот феномен, и в связи с этим, те немногочисленные черепки, на которых присутствовал бы элемент орнамента «отступающая лопаточка» в чистом виде, были внимательно проанализированы и практически на всех были отмечены следы зубчатых оттисков.

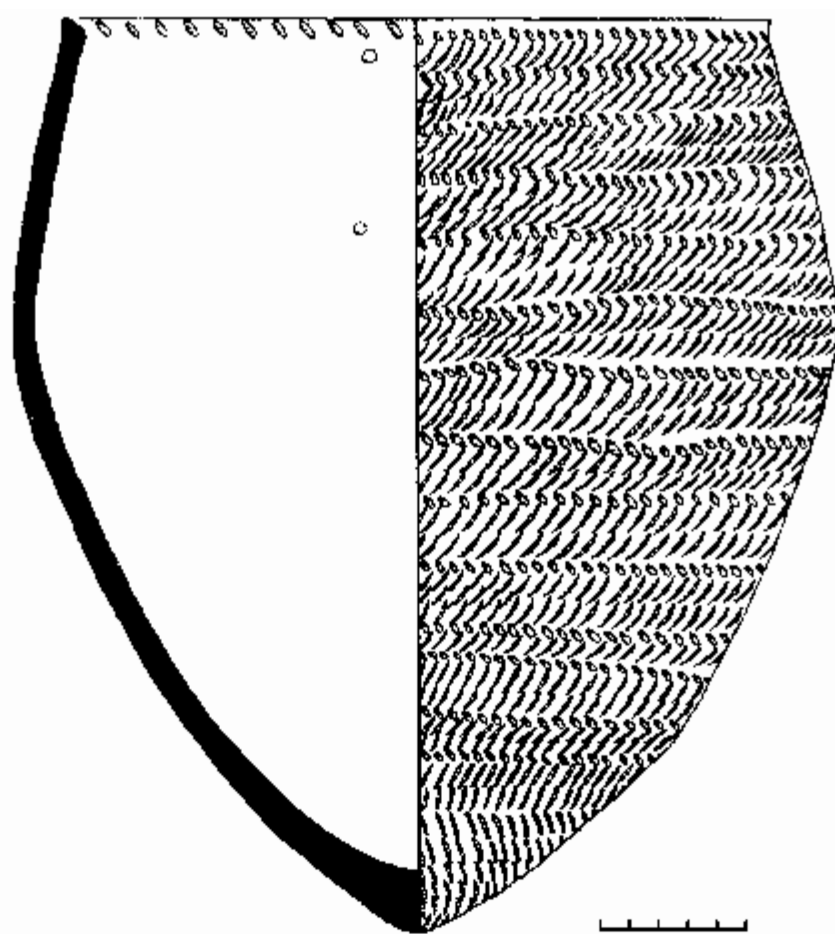

Рис. 8. Сосуд с короткозубчатым орнаментом, нанесенным в отступающей технике (раннеэнеолитический комплекс).

О форме сосудов этой группы керамики позволяет говорить найденный развал сосуда, полностью покрытый орнаментом из короткозубчатого штампа. Это небольших размеров сосуд (высота — 30,5 см, диаметр по венчику — 24 см) имеет приостренное дно и плавное ребро перегиба в верхней части. Венчик слегка отогнут наружу и скошен изнутри. По всей поверхности сосуд украшен горизонтальными поясками изогнутого короткозубчатого штампа, нанесенного в отступающей технике. Пояски штампа разделены через равные промежутки поясками овальных наколов (два ряда гребенки, один ряд наколов). По внутреннему срезу венчика также нанесен поясок из короткозубчатого штампа. В качестве примеси в тесте использовался шамот. Общая форма сосуда — закрытый остродонный «кубок» с перегибом в верхней части характерна для этой группы керамики и может быть реконструирована по другим найденным фрагментам венчиков и средних частей сосудов (рис. 8).

Аналогии этому типу керамики также можно найти среди памятников Волго-Окского междуречья, где подобная керамика также занимает небольшой процент в верхневолжских комплексах — стоянки Сахтыш 2, 8, Ивановское 3, 7 (Костылева, 1994).

Иной тип керамики представляют фрагменты сосудов с отпечатками длинного зубчатого штампа средней ширины. Всего найдено 1063 обломка с этим типом орнаментации. Керамика этой группы характеризуется различными видами примесей, которые использовались при изготовлении теста сосуда — шамот, песок и дресва, как правило, они встречаются в комбинированном сочетании — шамот + песок или шамот + дресва. Все сосуды отличаются определенной толстостенностью: средняя толщина — 7—10 мм. Обжиг сосудов довольно сильный, при этом можно отметить что орнамент наносился по подсушенному тесту. На большинстве обломков с внутренней стороны явственно видны расчесы.

Формы венчиков (191 экз.) в основном округлые с прямым профилем, в редких случаях отмечается нанесение оттисков гребенчатого штампа с внутренней стороны. Собственно орнамент на венчиках наносился в большинстве случаев непосредственно от края сосуда — в основном это наклонные параллельные ряды близко поставленного длиннозубчатого штампа. Изредка длиннозубчатый орнамент вдоль края венчика дополняется другими элементами орнаментации — поясками накольчатых вдавлений, короткозубчатого изогнутого штампа, ямками. В редких случаях отмечается пустое пространство вдоль края венчика шириной 1—2 см.

Найденные фрагменты днищ (48 экз.) этой группы керамики имеют округлую форму. В большинстве своем сохранившаяся на них орнаментация достаточно сильно затерта. В целом

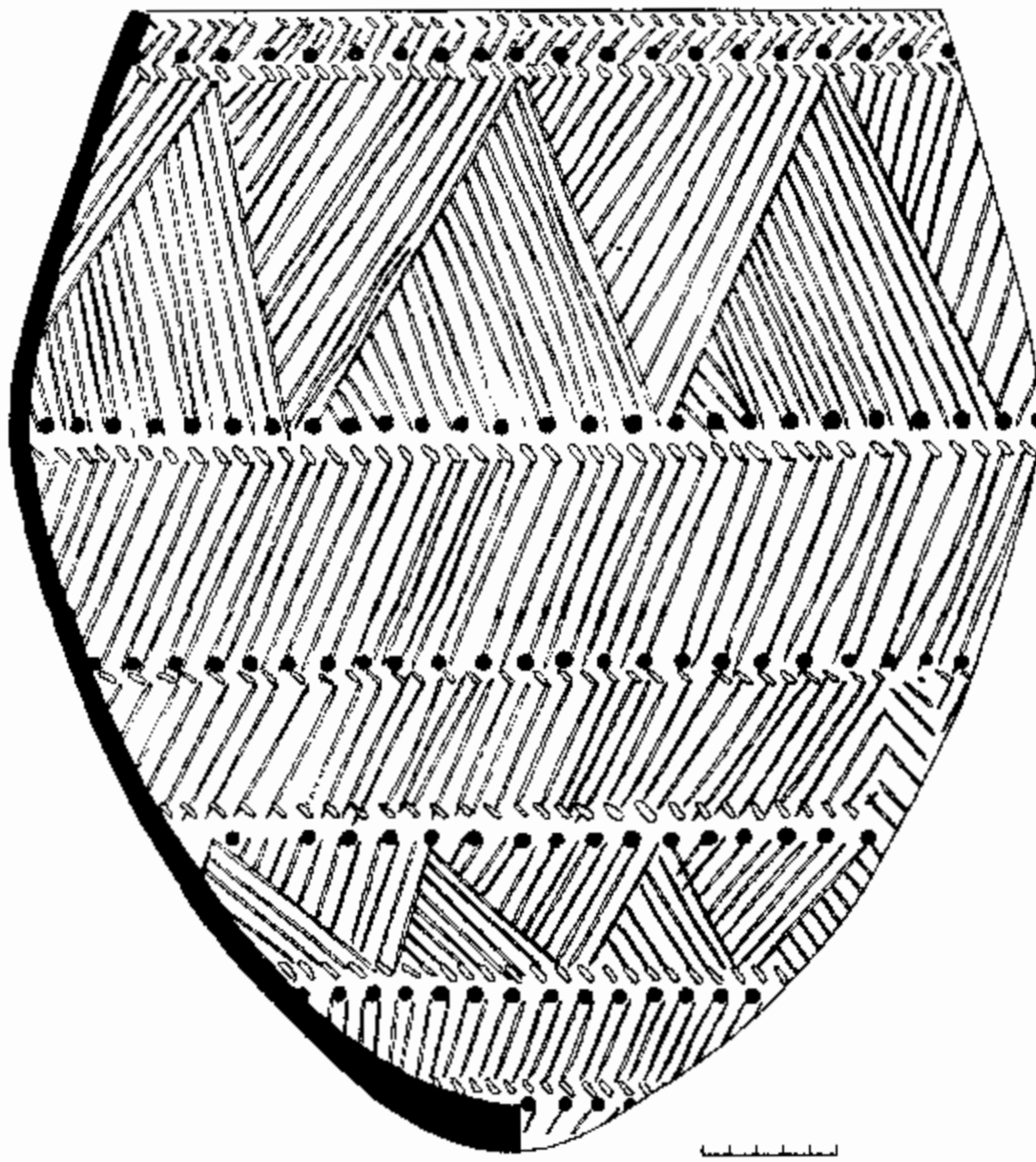

Рис. 9. Сосуд с прочерченным орнаментом (ранненеолитический комплекс).

можно отметить, что они также украшены длиннозубчатым орнаментом, при этом как правило, он нанесен таким образом, что все гребенчатые оттиски сходятся в одной точке по центру дна. Реконструировать общую форму сосудов этого типа керамики достаточно затруднительно из-за сильной фрагментации, но по аналогии с другими памятниками можно говорить о том, что сосуды имели открытую яйцевидную форму, возможно, со слегка отогнутыми наружу краями (Костылева, 1986. С. 143).

Орнамент, наносимый на сосуд, носил зональный характер и практически полностью покрывал всю его поверхность. Из орнаментальных композиций наиболее распространенными являются параллельные, наклонно или прямо поставленные оттиски гребенчатого штампа в сочетании с единичными ямочными вдавлениями; менее распространен орнамент в виде елоч-ки. Как правило, горизонтальные ряды гребенчатого орнамента разделяются на зоны с разделителем в виде овальных или округлых тычковых вдавлений, косо поставленного короткозубчатого штампа или горизонтального пояса гребенки. Внутри этих зон само расположение оттисков зубчатого штампа может носить разнообразный характер: вышеупомянутые наклонные или прямо поставленные параллельные оттиски гребенки; наклонные ряды штампа, поставленные под углом друг к другу, елочка, «шагающая гребенка».

В свою очередь, аналогичная керамика с длиннозубчатой орнаментацией также широко распространена на ранненеолитических стоянках Волго-Окского региона, где подчас она занимает ведущее положение в верхневолжском керамическом комплексе. Здесь уместно привести данные Е. Л. Костылевой — «на Сахтыше 2 длиннозубчатая керамика составляет 60 % от всей верхневолжской керамики, на Торговище 1 — 42 %, на Ивановском 3 — 60 %, на Ивановском 7 — 59 %» (Костылева, 1994). На других стоянках верхневолжский комплекс почти целиком представлен только этим типом керамики (Жилин, Крайнов, 1982).

Фрагментов керамики с прочерченным орнаментом найдено 87 экз. В формовочном тесте отмечается присутствие шамота и песка. Орнаментальные композиции составлены из параллельных прочерченных линий, сеточного орнамента и вписанных треугольников. Как правило, орнамент носит зональный характер и разделен поясами ямочных вдавлений или овальных

наколов. В единичных случаях отмечено применение ямочного штампа и пунктирного орнамента. О форме сосудов можно судить по одному целому реставрированному развалу (рис. 9).

Этот сосуд отличается достаточно крупными размерами (высота — 41 см, диаметр по венчику — 30 см) и имеет закрытую остродонную форму с плавным ребром перегиба в верхней части. В качестве примеси в тесто также были использованы шамот и песок. Венчик прямой со слегка округленным верхом. Донце скруглено. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда и представлен наклонными рядами параллельных прочерченных линий, разделенных поясками ямок, с пояском из овальных наколов под ними. Под венчиком поясok из ямок и наколов перекрывает поясok из оттисков короткозубчатого штампа. В верхней и придонной части прочерченные параллельные линии составляют сложный узор из вписанных треугольников. Интересно также, что верхняя часть сосуда была покрыта нагаром, под которым явно проступал слой красной краски (охры), который опоясывал весь сосуд до половины его высоты. Подобный прием окраски сосуда красной краской после обжига нередко встречается на памятниках верхневолжской культуры (Крайнов, Хотинский, 1977).

Приведенный выше обзор керамики раннеолитического горизонта памятника показывает явное преобладание в комплексе фрагментов сосудов, украшенных накольчатым орнаментом или без орнамента. Конечно, собственно количество фрагментов керамики не является твердым показателем доминирования в комплексе той или иной традиции технологии изготовления и стиля орнамента. Идеальным вариантом является подсчет количества сосудов по венчикам. Однако, как мы убедились, в ходе работы с керамическим комплексом, в настоящем случае нет твердой уверенности в том, что фрагменты с накольчатой и короткозубчатой орнаментацией, особенно нанесенной в технике отступающей лопаточки, происходят от разных сосудов. Ряд примеров при ремонте керамики убедил нас в обратном, когда на одном сосуде одна и та же линия орнамента на одной стороне сосуда дает чистый накол, а на другой плавно переходит в короткозубчатый штамп.

Тем не менее, чистый статистический подсчет показывает, что среди керамики раннеолитического горизонта стоянки Замостье 2 доминирует комплекс с тычково-накольчатой орнаментацией и без орнамента. Так, процентное соотношение тычково-накольчатой керамики в комплексе составляет 43 %, неорнаментированной керамики — 27,7 %, вместе они дают цифру в 70,7 %. Присутствие в комплексе керамики с короткозубчатой орнаментацией составляет 14,7 %, с длиннозубчатой — 13,5 % и с прочерченным орнаментом — 1,1 %. Стратиграфические полевые наблюдения показали, что последний тип керамики — гребенчатая и прочерченная — залегали в основном в верхней части отложений раннеолитического времени. Нижняя часть верхневолжского слоя почти целиком состояла только из тычково-накольчатой и неорнаментированной керамики.

Хронология и периодизация раннеолитической керамики в настоящее время достаточно подробно разработана Е. Л. Костылевой, которая выделяет три этапа в ее развитии (1987). Впоследствии эта периодизация была признана в качестве основной при характеристике верхневолжской культуры (Крайнов, 1996. С. 169).

Первый этап связан с керамикой без орнамента или украшенной тычково-накольчатой орнаментацией преимущественно в верхней и в нижней частях сосуда. В качестве примеси в тесте использовался шамот. Сосуды имеют как округлые, так и плоские донца. Эта керамика встречена на памятниках с «чистыми» комплексами (Давыдковская стоянка, Шадрино 4, Кухмарь 1) и на многослойных поселениях (Сахтыш 2, 7, Ивановское 3, 7 и др.) (Костылева, 1994. С. 53).

Второй этап исследователь связывает с керамикой, украшенной ложношнуровым, прочерченным и короткозубчатым орнаментом (стоянки Сахтыш 2, 7, Ивановское 3, 5 и др.). Характерной особенностью посуды этого этапа является окраска сосудов красной краской после обжига (аналогичный прием мы наблюдаем и в стоянке Замостье 2, где сосуд с прочерченным орнаментом был после обжига покрыт красной краской в верхней части). Плоские донца у сосудов практически исчезают, широко распространяются остродонные сосуды. Отмечается также связь между керамикой этого периода и как предыдущего, так и последующего этапов (Костылева, 1994. С. 55).

Последний, третий этап развития верхневолжской керамики связан уже с широким распространением длиннозубчатой орнаментации (стоянки Сахтыш 2, Торговице 1, Ивановское 3, 7, Берендеево 2а и др.). В элементах орнамента преобладает мелко- и среднезубчатый длинный штамп, реже, пунктирный и широкозубчатый. Подчиненное положение играют другие элементы орнамента (тычковые вдавления, короткозубчатый штамп и др.). Из орнаментальных мотивов широко распространены горизонтальный зигзаг и горизонтальные ряды отпечатков штампа, отделенные друг от друга разделительными поясками из тычковых вдавлений и короткозубчатого штампа. В качестве примесей значительно чаще используется дресва. Размеры сосудов увеличиваются, вся посуда округло- и остродонная (Костылева, 1994. С. 55).

Хронологические рамки всех трех этапов развития верхневолжской керамики по Е. А. Костылевой укладываются в промежуток от конца первой половины 5 тыс. до н. э. до середины 4 тыс. до н. э. (Костылева, 1987. С. 19—20). Первый этап на основании радиоуглеродных датировок (Жабки 3, Торговице 1) датируется концом первой половины — последней трети 5 тыс. до н. э. Второй этап охватывает промежуток от последней трети 5 тыс. до н. э. до начала 4 тыс. до н. э. Третий этап имеет датировки от начала до середины 4 тыс. до н. э. (радиоуглеродные и палинологические данные по стоянкам Ивановское 3, 7, Языково 1).

Как видно из приведенных выше данных, керамический комплекс стоянки Замостье 2 в основном соответствует первому этапу развития верхневолжской культуры, при этом отмечается присутствие керамики как второго, так и третьего этапов, наиболее яркими проявлениями которых являются реставрированные сосуды. Хотя, на наш взгляд, сосуд, украшенный мелкозубчатой орнаментацией, вполне вписывается в комплекс первого этапа по характеру теста и примесям. Е. А. Костылевой также отмечается появление остродонных сосудов с короткозубчатым орнаментом на первом этапе (1994. С. 55). По нашему мнению, в целом, керамика с короткозубчатой орнаментацией, происходящая из раскопок раннеолитического горизонта стоянки Замостье 2, по своим характеристикам (состав теста, манера выполнения орнамента) достаточно близка комплексу с тычково-накольчатой орнаментацией. Таким образом мы вообще можем рассматривать весь раннеолитический комплекс стоянки Замостье 2 как достаточно однородный и укладывающийся почти целиком в рамки первого этапа развития верхневолжской культуры, согласно схеме, предложенной Е. Л. Костылевой. Остается только добавить, что палинологические и радиоуглеродные датировки, полученные в последнее время по стоянке Замостье 2, в целом подтверждают это наблюдение и, вместе с данными по другим стоянкам, удревняют начало первого этапа верхневолжской культуры до 5200 л. до н. э.

Вопрос собственно появления керамики в регионе уже неоднократно рассматривался исследователями и, в первую очередь, связывается с южными и восточными культурами (среднедонская и волго-камская) (Костылева, 1987. С. 19) или балканским импульсом (через бугноднестровскую и днепро-донецкую культуры) (Сидоров, 1995. С. 73). Эти параллели проводятся исключительно на основании анализа керамических комплексов указанных культур. Несомненно идея изготовления керамики проникла в регион с определенными человеческими коллективами, а раз так, то, очевидно, в комплексе материальной культуры должны были проявиться и другие элементы новизны, помимо самой керамики, которые должны были отразиться как в кремневом, так и в костяном инвентаре. Эти новые элементы более подробно будут рассмотрены нами уже в заключении.

Необходимо добавить также, что Е. А. Спиридоновой по палинологическим материалам для бассейна Дона в рассматриваемый период 7200 л. н. отмечается достаточно глубокая аридизация климата, которая отразилась и в северных регионах (в т. ч. в Волго-Окском междуречье, где в это время отмечается общее потепление климата) (Спиридонова, 1991. С. 200). Не исключено, что именно этот момент и явился побудительным для подвижки населения южных регионов, уже обладавших навыками керамического производства, в более северные районы, где такового еще не было. Сходство керамических материалов среднедонской культуры с верхневолжской отмечается и самими исследователями (Синюк, 1986. С. 165). Особо стоит подчеркнуть момент доминирования накольчатой орнаментации на ранних памятниках средне-

донской культуры (Монастырская 1, Дрониха), появление которой в регионе датируется не позднее начала 5 тысячелетия до н. э. (Синюк, 1986. С. 165).

В чистом виде раннеолитические комплексы верхневолжской культуры до сих пор встречались пока достаточно редко. Из опубликованных стоянок необходимо упомянуть стоянку Велегьминская 2 на нижней Оке (Жилин, Энговатова, 1992). Этот памятник вызывает определенный интерес по двум причинам: первая — памятник не содержит никаких других примесей (помимо небольшого их количества, связанного с погребением эпохи бронзы), вторая причина — этот памятник с комплексом раннеолитической накольчатой керамики располагается довольно далеко к югу — в нижнем течении р. Оки.

Керамический материал включает 1009 фрагментов керамики, которые происходят от семи сосудов (Жилин, Энговатова, 1992. С. 97—103). Весь комплекс довольно однороден — все сосуды выполнены в технике накола в манере «отступающей лопаточки», у всех в тесте присутствует примесь крупного шамота и органики, поверхность сосудов тщательно заглажена и подлощена. Почти у всех сосудов венчики округлые, иногда скошены внутрь, часто — со сквозными отверстиями по краю. У всех сосудов плоские днища (Жилин, Энговатова, 1992. С. 106). Различие состоит в характере орнаментации сосудов — орнамент из взаимопроникающих треугольников, широкого зигзага; орнамент из горизонтальных полос, заполненных полосами из сплошного накола и полосками из сплошного накола, разреженного пустыми пространствами; волнистая линия и т. д.

Из-за отсутствия дат естественно-научными методами, датировка памятника затруднена, однако автор раскопок — М. Г. Жилин, по аналогии с другими накольчатыми комплексами, относит памятник к V тыс. до н. э. (Жилин, Энговатова, 1992. С. 108).

С точки зрения возможного проникновения древней керамики в Волго-Окский бассейн было бы соблазнительно рассматривать этот памятник в качестве одного из пунктов на пути продвижения древней керамики на север. Однако, отсутствие твердых датировок пока не позволяет нам включать его в общую схему.

Другой памятник, на котором хотелось бы остановить наше внимание — это стоянка Забелье, исследованная Ю. Н. Урабаном на севере Валдайской возвышенности (1996. С. 235—244). При исследованиях этого памятника автором была собрана небольшая, однако показательная коллекция. Керамический комплекс включает 108 фрагментов керамики, который распадается на две группы — прочерченно-накольчатую и гребенчатую (Урбан, 1996. С. 242). Большинство (78 фрагментов) составляют черепки первой группы. Все приводимые автором характеристики этой керамики — твердые плотные фрагменты с заглаженной поверхностью; расчесы на внутренней стороне; прямые, закругленные или заостренные венчики; орнаментальные композиции в виде наклонных и перекрещивающихся линий, выполненные треугольными и овальными вдавлениями, «отступающей лопаточкой» и прочерченными линиями — находят прямые аналогии в керамическом комплексе верхневолжского слоя стоянки Замостье 2.

Второй тип керамики представлен 30 фрагментами с гребенчатым орнаментом, с примесью в тесте крупного песка или дресвы. Орнамент в виде «слочки» или ромбов выполнен оттисками гребенчатого штампа и круглыми коническими ямками (Урбан, 1996. С. 242). Относительно небольшое количество подобной керамики встречено и в материалах стоянки Замостье 2.

Заключение

Подводя итоги всем рассмотренным и проанализированным данным можно с большой долей уверенности говорить о непосредственной преемственности между финально-мезолитическими слоями стоянки Замостье 2 и раннеолитическим горизонтом во всех проявлениях материальной культуры: в костяном и кремневом инвентаре, в характере произведений искусства и орнаментации орудий из кости. И если бы не наличие керамического комплекса в раннеолитическом горизонте, то можно было бы утверждать, что перед нами еще один мезолитический. Да, конечно в кремневом и в костяном инвентаре присутствуют новые черты (тонкие бифасы, зубчатые наконечники острог и фигурные наконечники стрел), но они не носят «критический» характер и только наличие комплекса керамики кардинально меняет общую картину.

Таким образом на основании тщательного анализа кремневой и костяной индустрии трех слоев, а также керамической коллекции стоянки Замостье 2 и сравнения с синхронными памятниками Волго-Окско-междуречья, можно сделать определенный вывод о генезисе верхневолжской культуры раннего неолита на базе культуры финального мезолита, представленной поселениями 7800—7900 и 7400—7300 л. н. стоянки Замостье 2. Ряд новых черт в кремневом и костяном инвентаре, не имеющих предпосылок в нижних слоях стоянки, а также спонтанное появление сложившихся приемов керамического производства и устоявшихся форм сосудов, свидетельствуют о приходе в регион определенных групп населения (предположительно, из южных регионов), оказавших влияние на материальную культуру аборигенного населения.

При анализе других памятников периода раннего неолита, известных по литературным источникам — Давыдовская стоянка (Сидоров, 1973), Шадрино 4 (Крайнов, Костылева, 1988), Плещеево 1 (Жилин, 1982), Окаево 18 (Жилин, 1994), приходится отметить, что, с одной стороны, высказывались определенные сомнения в чистоте указанных комплексов (Сорокин, 1991), с другой стороны, отмечается достаточно сильное разнообразие собственно кремневых комплексов этих памятников. Так, верхневолжский горизонт стоянки Окаево 18 дал хороший образец кремневой индустрии бутовского типа при большом проценте орудий из пластин, среди которых присутствует характерный для бутовской культуры набор: постсвидерские наконечники, остря, микролиты с затупленным краем, скребки и резцы на пластинах (Кольцов, Жилин, 1999. Рис. 39).

Очевидно, что стоянка Замостье 2 является не единственной в Волго-Окском регионе, где мы можем проследить процесс перехода от мезолита к неолиту. Возможно, что собственно процесс появления и распространения керамики в регионе происходил по-разному и нововведения в материальной культуре накладывались на разную мезолитическую основу, что мы можем проследить на примере тех памятников Волго-Окского междуречья, где были выявлены ранне-неолитические слои, содержащие различный кремневый инвентарь (стоянки Замостье 2, Окаево 18, Ивановское 3, 7).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешинская А., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А. Геолого-палеоэкологические события голоцена и среда обитания древнего человека в районе археологического памятника Замостье 2 // Каменный век Европейских равнин. Сергиев-Посад, 2001.
- Гиря Е. Ю. Индустрии пластинчатые, отщеповые и ...? // Каменный век Европейских равнин. Сергиев-Посад, 2001.
- Гиря Е. Ю., Лозовский В. М., Лозовская О. В. Технологический анализ каменной индустрии стоянки Замостье 2 // Древности Залесского края. Сергиев-Посад, 1997.
- Гурина Н. П. Неолитические племена валдайской возвышенности // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. МИА. № 172. Л., 1973.
- Жилин М. Г. О датировке и культурной принадлежности стоянки Плещеево 1 // СА. № 3. 1982.
- Жилин М. Г. Археологические исследования на Озерском торфянике в 1990—1992 гг. // ТАС. Вып. 1. 1994.
- Жилин М. Г. Стоянка Окаево IV на Средней Дубне // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 2. Иваново, 1995.
- Жилин М. Г. Некоторые итоги раскопок поселения Озерки 5 в 1990—1994 гг. // ТАС. Вып. 2. 1996.
- Жилин М. Г. Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубненского торфяника // Древности Залесского края. Сергиев-Посад, 1997.
- Жилин М. Г., Крайнов Д. А. Стоянка Берендеево II-a // КСИА. Вып. 169. 1982.
- Жилин М. Г., Энговатова А. В. Стоянка Велетьминская 2 — памятник с накольчатой керамикой на нижней Оке // СА. № 1. 1991.
- Каспаров А. К. Некоторые данные об особенностях охоты на лося древних обитателей стоянки Замостье 2 // Каменный век Европейских равнин. Сергиев-Посад, 2001.
- Кольцов Л. В., Жилин М. Г. Мезолит Волго-Окского междуречья: (Памятники бутовской культуры). М., 1999.
- Костылева Е. Л. Остатки верхневолжской ранне-неолитической культуры на стоянке Сахтыш II // КСИА. Вып. 177. 1984.
- Костылева Е. Л. Ранне-неолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VII // СА. № 4. 1986.